

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ: ИСТОКИ, ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 1:061.2/4

О.Г. Мазаева

ГУСТАВ ГУСТАВОВИЧ ШПЕТ И ЕГО НАСЛЕДИЕ

Международная конференция. Франция. 2007 г.*

21–24 ноября 2007 года в Бордо (Франция) Университетом имени Мишеля де Монтеня (Бордо III) и Научно-исследовательским центром по изучению славянских цивилизаций (CERCS) в Центре Гуманитарных Наук Аквитании была проведена международная конференция «Густав Шпет и его наследие. У русских истоков структурализма и семиотики». Организатор конференции – *Мариз Денн*, доктор наук, профессор (философия, русский язык) Университета им. Мишеля де Монтеня, директор Научно-исследовательского центра по изучению славянских цивилизаций, член научного совета Лаборатории ЕЕЕ (Европа, Европейскость, Европеизация) Национального центра научных исследований.

Благодарю. Мою поездку от Москвы в Бордо и обратно, пребывание там 20–25 ноября финансировали организаторы конференции во Франции. Ректорат ТГУ оплатил авиабилет из Томска до Москвы и обратно, деканат философского факультета – суточные и расходы на получение визы. Благодарна всем за эту поддержку, без неё поездка не могла состояться. *Мариз Денн, Григорий Ефимович Дунаевский, Сергей Сергеевич Аванесов*, большое спасибо! Благодарю всех сотрудников нашей кафедры истории философии и логики, прежде всего – *Сергея Борисовича Степаненко, Максима Николаевича Евстропова*, а также доктора исторических наук Томского политехнического университета *Наталью Трубникову*, которые помогли мне оформить документы. Благодарю нашу выпускницу *Жанну Горбылёву*, ныне – докторантку Страсбургского университета, приехавшую в Бордо на время конференции. Благодарна я профессору *Сергею Сергеевичу Хоружему*, участнику конференции, спутнику по перелётам Москва – Бордо – Москва. Благодарна всем, кто давал мне полезные советы и наставления в этот первый зарубежный путь, особенно *Марине Густавовне Шторх* (дочери Г.Г. Шпета), её семье, гостеприимством и заботой которых я была окружена в Москве. Жаль, что по состоянию здоровья Марина Густавовна не смогла поехать на конференцию.

Встреча. В аэропорту Бордо нас встретил доктор наук, профессор, преподаватель латыни и русского языка Университета имени Виктора Сегалена (Бордо II) *Николай Завьялов (Nicolas Zavialoff)*. По пути в гостиницу он показал нам знаменитые виноградники (вино из растущего здесь винограда про-

* Исследование осуществлено при поддержке гранта Президента РФ № НШ-5887.2008.6.

изводится только на экспорт); рассказал о городе, университете. В названиях улиц и площадей знакомые имена – Дидро, Руссо, Монтескье... В Бордо – четыре крупных университета. Среди них: Бордо II – исследовательские и учебные комплексы по биологическим и медицинским наукам; Бордо IV – по экономическим наукам; Бордо III – по гуманитарным наукам (здесь, в Университете им. Мишеля де Монтеня, на отделении славистики учится несколько студентов из России, в основном из Москвы).

Забастовка. В дни работы конференции во Франции проходила забастовка. На авиарейсах она практически не отразилась, задержка рейса из Парижа в Бордо была примерно на час. Значительно ухудшилось железнодорожное сообщение, некоторые докладчики вообще не смогли приехать или приехали с большим опозданием. Как пишет в своём обзоре о конференции «Новая семиотическая перспектива» один из её участников Александр Люсый, «забастовкой был охвачен и Университет им. Мишеля Монтеня, где впервые с 1968 года появилась полиция (студенты протестовали против реформы по автономизации вузов, в качестве следствия видя неизбежность повышения платы за обучение)». Мне не довелось за всё время пребывания в Бордо увидеть ни одного полицейского или, может быть, я не знаю, как выглядит полицейский в Бордо. Студенческие пикеты никого не пропускали в учебные корпуса. По особой договорённости с забастовщиками (для оформления командировочных документов) мы всё же прошли в административный корпус. Дом Гуманитарных Наук Аквитании, где проходила конференция, расположен рядом с университетскими корпусами. Он не является учебным учреждением, и забастовочных пикетов там не было (не всегда работал обслуживающий персонал), заседания же шли в запланированном режиме.

Конференции. Изучению наследия Г.Г. Шпета на конференции славистов в США (1985) была посвящена работа одной из секций; в Германии (1986) прошла конференция по исследованию творчества Г.Г. Шпета. В Томске (1989) были проведены первые в России Шпетовские дни, установлена мемориальная доска на доме, где жил ссыльный Густав Густавович Шпет перед последним арестом и расстрелом. В Томске впервые в России были проведены четыре международных конференции – Шпетовские чтения (1991, 1996, 1999, 2002). Затем были конференции в Москве (2004), Лозанне (2005), Киеве (2006) и, наконец, в Бордо (2007). Сейчас идёт подготовка к Пятым Шпетовским чтениям в Томске.

7 апреля 2009 года будет отмечено 130 лет со дня рождения Г.Г. Шпета.

Необходимо отметить мемориальной доской дом № 17 (тогда он был под этим номером) в Брюсовском переулке в Москве, где перед ссылкой в Сибирь жил Г.Г. Шпет.

Переводы. Труды Г.Г. Шпета переводятся на английский, венгерский, итальянский, немецкий, французский языки. Эрика Фрейбергер-Шейхоуэслами (США) в 1970–1980-х годах перевела на английский и немецкий языки книгу Г.Г. Шпета «Явление и смысл» (этот перевод при её жизни не был опубликован). На английский язык она же перевела книгу «Герменевтика и её проблемы»; этот перевод распространялся среди участников конференции в Германии (1986). Пётр Штейнер (Peter Steiner) из Университе-

та Пенсильвания (США) сообщил, что английский перевод книги Г.Г. Шпета «Явление и смысл» был сделан Томасом Немом и издан в Голландии в 1991 году. П. Штейнер написал также, что у него есть рукопись английского перевода книги Г.Г. Шпета «Герменевтика и её проблемы»; авторы перевода «*George Kline i Erika Freiburger-Sheikholeslami* (вторая часть фамилии – по мужу, её муж был из Ирана)». Этот перевод не издан. «Может, какое-нибудь русское издательство могло бы им заинтересоваться?» – спрашивает П. Штейнер. Про немецкий перевод «Явления и смысла» он ничего не знает.

Свидетельством серьёзного научного внимания к творчеству Г. Шпета являются выпуски учёными Будапештского университета журнала «Геликон», № 1–2 (1978), № 3 (1997), № 2 (1983), где помещены исследования и переводы на венгерский язык некоторых глав из книг Г.Г. Шпета «Явление и смысл», «Герменевтика и её проблемы», «Внутренняя форма слова». Большую работу провели *István Gránicz, Lajos Nyirö, Anna Han*. Анна Хан, глубокий исследователь творчества Г. Шпета и Б. Пастернака, не смогла участвовать в работе конференции в Бордо, так как должна была в это время защищать (и блестяще защитила) докторскую диссертацию. В 2007 году Анна Хан получила звание «Русист года».

В статье об изучении наследия Г.Г. Шпета во Франции (Четвёртые Шпетовские чтения в Томске) *Мариз Денн* писала, что она вместе с *Жаклиной Боайер* и *Франсуазой Тенн* переводят на французский язык книгу Г.Г. Шпета «Явление и смысл» (1914). В 2008 году Мариз Денн собирается продолжить работу над этим переводом.

Издание к конференции на французском языке книги Г.Г. Шпета «Внутренняя форма слова» (1927) – перевод с русского *Николая Завьялова*, предисловие *Мариз Денн* – своевременно и знаменательно. Исследование истоков русского структурализма и семиотики во многом связано с деятельностью Г.Г. Шпета в 20-е годы, с идеями, которые, прежде всего, содержатся именно в этой книге, в других его трудах, трудах сотрудников ГАХН. Эти идеи повлияли на Романа Якобсона, развивавшего их со времён Московского лингвистического кружка (1919–1920). Идеи Г.Г. Шпета – основание докладов и дискуссий в Бордо.

Публикации трудов Г.Г. Шпета и исследования о нём в 2000-е годы. (Перечень публикаций – в конце данного обзора). В нынешнем веке вышло 11 книг Г.Г. Шпета и о нём общим объёмом свыше 5400 страниц. В двух из них наряду с работами философа даны воспоминания и статьи о нём. В *четырёх* – исследования его творческого наследия. Кроме того, в Англии *Галин Тиханов* готовит к изданию сборник статей о Г.Г. Шпете. В пяти полновесных томах изданы труды Г.Г. Шпета. В 2002 г. опубликована диссертация (1916) и материалы к ней Г.Г. Шпета «История как проблема логики» в двух частях. Вторая часть издана впервые, её археографическую обработку провели *Людмила Фёдорова* и *Игорь Чубаров*, которые в 90-е годы в журналах «Начала» и «Логос» публиковали и комментировали работы Г.Г. Шпета. Отсутствие в книге справочного аппарата, современного комментирования снижает впечатление, но и в таком виде книга полезна исследователям. Отлично, что в 2004–2007 гг. появилось четыре тома первого научного собрания сочинений Г.Г. Шпета (изд-во РОССПЭН, серия «Российские Пропи-

леи»). Большую работу проделала составитель и ответственный редактор этих книг *Татьяна Щедрина*. Ею составлен план издания следующих томов (по меньшей мере, ещё пяти), о чём она доложила участникам конференции. Всё это даёт надежду на появление в недалёком будущем полного академического издания сочинений Г.Г. Шпета.

Встречи. На конференции впервые удалось встретиться с учёными, которые были знакомы по трудам и переписке: Мариз Денн, Петром Штейнером, Галином Тихановым, Татьяной Давыдовной Марцинковской, Виктором Игоревичем Молчановым, Григорием Львовичем Тульчинским и другими. Некоторые участники конференции в разные годы были на Шпетовских чтениях в Томске: Микела Вендитти, Игорь Чубаров, Татьяна Щедрина. Владимира Фещенко помню по выступлению на конференции к 125-летию со дня рождения А. Белого (2005 г., Москва).

На открытии конференции участников её приветствовал Президент Университета им. Мишеля Монтеня (Бордо III) *Сингаравелу*. Затем выступили с пожеланиями удачной работы профессора *Христоф Буно*, Директор Дома Гуманитарных Наук Аквитании, и *Жозель Пайе*, директор Лаборатории ЕЕЕ Национального центра научных исследований. Выступления мне синхронно переводила Жанна. Смысл речей сводился к тому, что, хотя наследие Г.Г. Шпета им лично в достаточной мере не известно, они надеются, что представительная по своему составу конференция будет иметь большое научное значение европейского и даже мирового масштаба. Этот оптимистический настрой сохранялся до конца конференции. Затем Татьяна Марцинковская зачитала приветственное письмо дочери Г.Г. Шпета *Татьяны Густавовны Максимовой*. Татьяна Геннадьевна Щедрина прочла доклад *Марины Густавовны Шторх*. Это – её отчёт о работе в семейном архиве, в архивах Киева, Москвы, Санкт-Петербурга над материалами и письмами, которые она комментирует. Ей присущи тщательность работы, эрудиция, тонкие пояснения, стремление к точности, чёткости в изложении. Неоднократно мне приходилось слышать реплики и замечательные экспромты Марины Густавовны на конференциях и в кулуарах, жаль, что здесь мы не смогли услышать её выступление.

По программе должны были выступить около 50 человек, но не всем удалось приехать. Выступило *более 40 учёных* из университетов и академических институтов *10 стран: Великобритании, Германии, Италии, Нидерландов, Польши, России, США, Франции, Чехии, Швейцарии*. Примерно половина выступавших были из России: двое из Санкт-Петербурга, по одному докладчику из Саранска и Томска, остальные из Москвы (МГУ, МГПУ, РГГУ, РИК, РУДН, ГУ–ВШЭ, ИФ РАН, ИЯ РАН, ИП РАО).

Работа была напряжённой. Секционных заседаний не было. Тематически близкие четыре, иногда пять докладов (каждый из которых был не более 20 минут) завершались вопросами и дискуссией, времени на которые всегда не хватало. Рабочими языками конференции были французский и русский. Тексты докладов читались на одном языке, на экране дублировался перевод доклада или его тезисов на другом языке.

Сборник материалов конференции будет издан в Бордо на французском языке. В Москве на русском языке будет собираться сборник статей в продолжение работы, начатой в Бордо.

К конференции были изданы *тезисы и аннотации докладов*. При просмотре алфавитного перечня аннотаций возникает впечатление калейдоскопичности. Но организаторам конференции удалось наилучшим образом сгруппировать доклады, и после каждого заседания ощущение избыточной пестроты снималось. Для *дискуссий* были предложены следующие *темы*: место понятия структуры слова и выражения в трудах Г. Шпета; влияние трудов Г. Шпета в интеллектуальных кругах его эпохи; актуальность идей Г. Шпета в различных областях знания. *Отклики и обзоры* участников конференции *Вл. Новикова, А. Люсого, Т. Марцинковской* и других появились в печати и Интернете сразу же после окончания работы конференции.

Все **доклады** на конференции были по-своему хороши и интересны. Остановиться подробно на всех – невозможно, повторяться не хочется, хотя придётся. Сначала – несколько общих соображений, затем – коротко о докладах, не всегда в том порядке, в котором они были представлены на конференции.

Результаты исследований в своих выступлениях предъявили философы (представители истории философии, логики, методологии науки, эстетики, философской антропологии, религиоведения); культурологи; этнологи; филологи (лингвисты и литературоведы); психологи и другие.

Почти во всех докладах имелся сравнительно-сопоставительный анализ синхронного, диахронного, типологического порядка. Присутствовало обращение к предтечам и современникам Г. Шпета, к интерпретациям ныне живущих исследователей разных стран, к сопоставлению взглядов философов и специалистов конкретных дисциплин. Идеи Г. Шпета вовлекались в широкий круг гуманитарного знания. Возникла потребность в диалоге и сам диалог (иногда дебаты) представителей разных точек зрения и разных гуманитарных дисциплин. Антикварный взгляд на творческое наследие Г.Г. Шпета не доминировал, стремление к точности понимания его текстов и идей обнаруживалось во многих докладах.

Пафос многих выступлений был связан с тем, что надо максимально использовать имеющийся в его трудах методологический и творческий потенциал. Жизнеспособность творческого наследия Г. Шпета связана с прорисовкой современными исследователями тех перспектив и контекстов, в рамках которых иногда органично, а порою с натяжкой вписывались идеи Г. Шпета.

Неоконченность начатых Г. Шпетом дел, в силу разных, иногда чисто внешних обстоятельств, давала докладчикам возможность дообозначить разнообразие движений и направлений развития его идей. Это разнообразие выражает особенности позиций интерпретаторов и тематики, выбранной ими для анализа.

Уже в докладах первых заседаний отмечалось стремление Г.Г. Шпета создать свой «проект синтеза гуманитарного знания», рассматривались его философские взгляды, значение феноменологических и структуралистских идей для большого круга гуманитарных дисциплин и те методологические

перспективы, которые задаются трудами Г.Г. Шпета: историческая, персоналогическая, семиотическая и др.

Владимир Петрович Зинченко (ГУ–ВШЭ, Москва) рассмотрел «внутреннюю форму» у В. Гумбольдта и Г. Шпета в контексте творчества. В. Гумбольдт определил её метафорой «плавильный тигель»; близок к этой трактовке и Г. Шпет. В психологии творчества эти идеи даны в учениях о внутренних формах действия и образа Н.А. Бернштейна и А.В. Запорожца. Обнаруживается тесная взаимосвязь этих форм: внутренняя форма слова включает образ и действие, внутренняя форма действия – слово и образ, внутренняя форма образа – слово и действие. Их сплав даёт в итоге чистые внешние формы: слова, действия, образа.

Мариз Денн (Университет Бордо III), отдавая должное значению исторической перспективы для Г. Шпета, указала на то, что всё его творчество «организуется и осмысливается с момента открытия им в 1914 году феномена структуры слова и выражения». Это генеральная линия мысли для философии и различных областей гуманитарного знания в модусе развёртывания их на научно-философской основе.

Сергей Сергеевич Хоружий (ИФ РАН, Москва) считает, что Густав Шпет создавал ещё один «индивидуальный проект синтеза гуманитарного знания», подобно П.А. Флоренскому, Э. Кассиреру, А.Ф. Лосеву и др. Позднее эти проекты незаслуженно были отодвинуты «в тень» структуралистским проектом. Эпистемологическое ядро проекта Г. Шпета составили феноменологическая установка, дополненная герменевтической. С.С. Хоружий, следуя Г. Шпету, в круг феноменологической дескрипции вводит мистический опыт исихастской практики Православия. Авторская терминология («Коптская редукция», «Синайская интенциональность», «Афонский ноззис») даёт докладчику возможность описать путь духовного восхождения как герменевтического приобщения к Телосу. Для описания высших ступеней, «созерцания», вводится понятие «холистической» формы интенциональности, где «участвуют энергии всех уровней человеческого существа: не только интеллектуальные, но и нравственно-эмоциональные, а также телесно-физические». Думается, с одной стороны, что логические соответствия в докладе вполне выдержаны «в духе Г. Шпета», с другой – что разрыв во времени основных составляющих метода вряд ли совпадает с феноменологическим канонизмом Э. Гуссерля и Г. Шпета. С заявкой докладчика, что Г. Шпет даёт «проект синтеза гуманитарного знания», хочется согласиться, может быть, с поправкой на то, что и в структурализме реализуется идея своеобразного синтеза гуманитарного знания. Выступавшие на конференции подчёркивали особую роль «внутренней формы» для формирования традиции семиотики – «глубокой» (по Тульчинскому) или «глубинной» (по Фещенко).

Татьяна Геннадьевна Щедрина (МГПУ, Москва) показала «ориентированность Г. Шпета на коммуникативный подход, реализующийся в русской философии через понятие общения (рационально понятой соборности) и предполагающий онтологический поворот к слову и языку». Она указала на значение идей Г. Шпета для разработки современных проблем коммуника-

тивной онтологии. Раскрывая эту тему, она обращалась к опубликованным работам Г. Шпета и к реконструкциям его рукописного материала.

Борис Исаевич Пружинин (ИФ РАН, Москва) в докладе «Семиотическая перспектива методологии гуманитарных наук у Г. Шпета» отметил, что, развивая идеи «исторической семасиологии», Г. Шпет «отказался от программ методологической реконструкции науки, ориентированной либо на опыт, либо на чистую логику, <...> он ищет реальный план, где логика и опыт соотносятся друг с другом в выполнении основной функции познания». Актуализация «коммуникативного аспекта познания» повышает внимание исследователей к функции «выражения» или «изложения». В современной методологии гуманитарных наук важно, вслед за Шпетом «различать *номинативную* функцию слова, геср. номинальную предметность слова, и функцию семасиологическую, геср. смысловую предметность».

Григорий Львович Тульчинский (Университет культуры и искусств, Санкт-Петербург) новые перспективы гуманитарной парадигмы связал с персонологическим измерением «свободы и ответственности как источника смыслообразования». В трудах Г. Шпета, П.А. Флоренского, М.М. Бахтина, Л.С. Выготского заложены, считает он, основы «глубокой семиотики», дающей возможность проследить динамику смыслообразования.

Владимир Феценко (ИЯ РАН, Москва) показал, что семиотические и лингвистические идеи Г. Шпета закладывают основу как русского структурализма (до 40-х годов XX века находившегося под непосредственным влиянием идей Г. Шпета), так и «глубинной семиотики», предстающей в виде неявной, «мерцающей» традиции, направленность которой определяется концептом «внутренней формы».

Виктор Игоревич Молчанов (РГГУ, Москва) в докладе «Проблема “Я” у Шпета: опыт и интерпретация» особое внимание уделил семантическому рассмотрению термина «Я». А. Шиян в своём отчёте о конференции обратил внимание на вывод докладчика о том, что у Г. Шпета не различается термин «Я» как существительное и как местоимение, отсюда проистекает смешение разного типа опытов: непосредственного и опосредованного. Феноменологическое же исследование, всегда должно удерживать это различие.

Анна Шиян (РГГУ, Москва) в своём докладе указала «на неоднозначность трактовки языка в работах позднего Г. Шпета, в которых внутренняя форма рассматривается в том числе и как метод образования понятий, а само слово связывается как с идеальной отрешённой действительностью, так и с реальным миром предметов». С мыслью докладчика о том, что постоянное стремление Г. Шпета к платоновскому миру идей увело русского философа в сторону от феноменологии, не согласился И. Чубаров.

Ева Кохан (Институт Философии Щецинского госуниверситета, Польша) сопоставила концепцию человека «в догматическом марксизме сталинского времени и философию человека у Густава Шпета».

Марта Трыбовска (Институт Философии Щецинского госуниверситета, Польша) сравнила антропологические концепции Г. Шпета и Р. Ингардена, обратила внимание на этические идеи и эстетические ценности, позволяющие сближать их позиции.

Денис Иоффе (Университет Амстердам, Нидерланды) в докладе «Религия и проблема знака у Г. Шпета» сопоставил взгляды имяславцев П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Loseва, с одной стороны, Г.Г. Шпета – с другой, считая, что между ними пролегает «масштабная идеологическая и конфессиональная пропасть, через которую довольно сложно перекинуть общесмысловой мост». Как заметил в своём обзоре конференции А. Люсый, эта позиция стала «актом вольной или невольной полемики с С.С. Хоружим».

Василий Ванчугов (РУДН, Москва) в своём оказавшемся провокативном выступлении «“Речевое поведение” Г. Шпета при построении текста: между правилами логики и игрой воображения» утверждал, что при изложении фактов истории русской философии Г. Шпет предпочёл методу «объяснения» искусство «интерпретации». В интерпретации же у него отчётливо проявились эрудиция и сарказм, а текст оказался построенным на переплетении логики и воображения. Вопрос докладчика звучал так: «Не разрушает ли это реальную целостность объекта и не порождает ли мнимую реальность?» Ему возражали слушатели. С.С. Хоружий пояснил, что заглавия «Очерков...» Г. Шпета «по прописям», «по линейкам» не вызывают церковных ассоциаций подновления икон, а означают ученическую практику начальной школы, где прописи и особым образом линованные тетради определяли «само письмо». Т.Г. Щедрина сказала, что все выводы философа были построены на хорошем знании источников, постоянном обращении к ним, поэтому нельзя говорить о влиянии воображения на его изложение фактов и о создании им «мнимой реальности».

Мишель Окутюрье (Университет Сорбонна, Париж IV) в аннотации доклада «Г. Шпет, историк русской философии» отметил парадоксы «Очерков развития русской философии»: 1. Предельная научная объективность сочетается с крайней субъективностью оригинального стиля, отмеченного афористичностью и иронией; 2. История русской философии в «Очерках...» обрывается у её начала и является «историей тех преград, которые стоят на пути её развития». Своей «русофобией» «Очерки...» напоминают первое «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева. Но, как и у последнего, разоблачение русского «невегласия» в прошлом основано на высоком представлении о будущем России и русской культуры.

Семиотика, структурализм, постструктурализм – одна из ключевых тем конференции. В сопоставительном решении французскими и российскими исследователями представлены в ряде докладов проблемы семиотики, структурализма, постструктурализма. Вот некоторые ракурсы анализа: философский у *Игоря Чубарова* (ИФ РАН, Москва), культурно-исторический у *Александра Люсого* (РИК, Москва), лингвистический у *Натальи Азаровой* (МГПУ, Москва).

И. Чубаров дал сравнительный анализ трактовки субъективности у Г. Шпета и Ж. Делёза, отметил общие для обоих основания критики феноменологии Э. Гуссерля и близость в понимании ими смысла и способов субъективации.

А. Люсый в широком культурно-историческом контексте рассмотрел движение от логики истории к её жанрам у Г. Шпета, Р. Барта, Х. Уайта.

Н. Азарова сравнила переводы основных понятий «Феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегеля на русский (Г. Шпет) и французский (А. Кожев) язык. Эти переводы созданы почти в одно время. Развёрнутые предложные и предикативные конструкции Г.В.Ф. Гегель превращал в слитные термины. Для переводчиков характерно использование дефиса, причём у А. Кожева дефисных терминов на порядок больше, чем у Г. Шпета. «Экспликативные термины у А. Кожева наращивают семантический объём и реализуют максимально возможное количество валентностей, Г. Шпет, считает их концептами (противопоставляя определение понятия концепту)». А. Кожев «стремится при помощи дефиса ликвидировать оппозицию статики и динамики, динамизировать концепт внутри развёрнутого дефисного термина», у Г. Шпета «понятие образует динамику только в системе, но дефис позволяет соотнести единичные понятия друг с другом, образуя своеобразную дефисную подсистему, внутри общей гегелевской терминологической системы». Г. Шпет в большей мере, чем А. Кожев, следует требованию точности в переводе. В русском философском и поэтическом тексте к концу XX в. происходит нарастание дефисных образований, «получают распространение образования по типу Кожева, где дефис призван подчинить семантику и синтактику – прагматике».

Далее *лингвистическая проблематика* рассматривалась как в методологическом аспекте, так и в аспекте сопоставления взглядов Г. Шпета со своими предшественниками и современниками.

Эва Коморовска (Щецинский университет, Польша) идеи Г. Шпета в области лингвистики соотнесла с современными методологиями, такими как структурализм, генеративная грамматика, прагмалингвистика, когнитивизм. Опираясь на книгу «Внутренняя форма слова», она рассматривает Г. Шпета как предшественника многих концепций в лингвистике.

Микела Вендитти (Университет Аквилы, Италия) остановилась на анализе Г. Шпетом философии языка швейцарского философа Антона Марти (1847–1914), с 1880-х годов профессора университета в Праге. Его взгляды повлияли на участников Пражского Лингвистического кружка (1926–1938), «в частности, на работы Якобсона о языковых функциях». А. Марти разрабатывал «семасиологию» (науку о значениях) в генетической перспективе. Форма языка зависит от источника познания: чувственного восприятия (внешняя) или внутреннего переживания (внутренняя). «Внутренняя форма языка (*этимон*) у Марти обладает двумя различными составными: фигуральной, связанной с представлениями (иконичностью), и конструктивной, связанной с синтаксисом (автосемантическими и синсемантическими терминами); эти формы “опосредствуют” (Шпет) понимание языкового выражения». Г. Шпет не принял генетическую перспективу трактовки «внутренней формы», усматривал опасность релятивизма в эмпирическом и психологическом подходах. Он считал, что «принципиально правильную постановку вопроса Марти необходимо перевести в “третье измерение” в область логики» и внутреннюю форму слова рассматривать как «отношение звукового или зрительного знака речи к значению этого знака».

Екатерина Вельмезова (Университет Лозанна, Швейцария) остановилась на различиях исходных теоретических позиций Г. Шпета и Н. Марра, которые привели к двум разным видам семиотики и семиотического дискурса.

Патрик Флак (Пражский Университет им. Карла IV, Чехия) заявил доклад «В тени структурализма (Шкловский, Мерло-Понти... и Шпет?)».

Инна Агеева (Университет Лозанна, Швейцария) указала на сходство и различия в трактовке понятия «слово» Г. Шпетом и В. Волошиновым.

На проблемы **этнической психологии** были ориентированы два доклада.

Наталья Автономова (ИФ РАН, Москва), отсутствовавшая на конференции, должна была сделать доклад «Густав Шпет: эпистемологические принципы критики этнодетерминизма». Обращаясь к характеристике этнозависимых или этнодетерминистских концепций, необходимо, считает она, провести анализ неявных «методологических ходов и эпистемологических предпосылок» критических, а не апологетических мыслительных традиций относительно исследования идеи самоценности самобытного развития русской культурной почвы. «В поисках опоры для необходимой внутрикультурной критики» автор доклада обращается к наследию Г. Шпета.

Сергей Чугуников (Бургундский университет, Дижон, Франция) в докладе «Г. Шпет и В. Волошинов: “внутренняя форма” в этнической психологии и в социологической лингвистике» рассмотрел роль концепта «внутренней формы» в психолингвистических проектах Г. Шпета и В. Волошинова. Идеи этих проектов восходят к марксистским понятиям «социальной психологии», принципам «психологии народов» Х. Штейнтала, М. Лацаруса, В. Вундта и к общим понятиям романтической школы, рассматривающей язык как ментальность: Volkgeist и Zeitgeist. Для В. Волошинова «природа понимания является идеологической, “внутренняя форма” заимствует дух языка в индивидуальном сознании <...> и способна перевоплотиться в <...> “идеологему” (классовый отпечаток)».

Г.Г. Шпет и М.М. Бахтин – тема одного из заседаний. Сопоставление их позиций касалось в основном лингвофилософской и эстетической проблематики. Продолжение темы – разнообразные идейные влияния Г. Шпета и М. Бахтина на своих последователей.

Николай Васильев (Саранский университет, Россия) обратился к истокам метаязыка «бахтинского круга». Он говорил о корреляции между научной прозой Г.Г. Шпета и метаязыком (терминология, фразеология) М.М. Бахтина, В. Волошинова, П. Медведева.

Райнер Грюбель (Университет Ольденбург, Германия) анализировал эстетику поэзии Г. Шпета и эстетику прозы М. Бахтина. При этом он обратил внимание на то, что сердцевина эстетики, фигуры мышления и языка обоих философов соотносится с медиумами (средствами коммуникации) поэзии и прозы.

Роберт Бёрд (Университет Чикаго, США) в докладе «Густав Шпет и круг Бахтина: идеология и эстетика» остановился на вопросах теоретической эстетики 20-х годов, поставленных такими символистами, как Вяч. Иванов и А. Белый. Они обращались к проблемам текучей или открытой формы («к способности художественных знаков производить всё новые смыслы в сфере идеологии»). Ключевые понятия образа и нарратива у Г. Шпета и в круге М. Бахтина ведут к другому, чем у символистов, «осмыслению динамического потенциала искусства».

Людмила Польшикова (РГГУ, Москва) показала значение идей Г. Шпета о «внутренней форме слова» для формирования теории интонации М. Бахтина; дала характеристики различного понимания ими «внутренней

формы» и структуры слова. Выявила диалог с Г. Шпетом в вопросе о классификации М. Бахтиным видов интонации («внутренняя – внешняя, грамматическая – жанровая – экспрессивная»).

Людмила Гоготиишвили (ИФ РАН, Москва) в докладе «Г.Г. Шпет и М.М. Бахтин: ожидаемые расхождения и неожиданные сближения» отметила общность их идейных истоков (прежде всего, это феноменология Гуссерля и символизм) и различие в формах рецепции как феноменологии, так и символизма. Оба склонны к предельному радикализму в проведении своих идей. Две редакции «лингвистического поворота» в философии – «позитивная» у Шпета и «негативная» у Бахтина – иллюстрируются сравнением шпетовской теории о месте экспрессии в смысловой структуре слова и бахтинской теории неотмысливаемой тональности смысла; сопоставлением шпетовских внутренних поэтических форм языка и бахтинской романной архитектонической формы; соотносением шпетовской интерпретации тропов как «двоеречия» поэтического слова и бахтинским толкованием «двуглозия» прозаического слова. Эти сравнения содействуют «прояснению вопроса о сложных взаимоотношениях обоих мыслителей с символизмом и формализмом».

К эстетической проблематике обращались на ряде заседаний, где речь шла о расширении сферы применения «внутренней формы» в области художественного творчества, в теории театра, в литературоведении. Были доклады о феноменологии музыки, об особенностях писательского мастерства Г.Г. Шпета.

Петр Штейнер (Университет Пенсильвания, США), статьи которого печатались в материалах Первых и Четвёртых Шпетовских чтений в Томске, рассмотрел математическую формулу Г. Шпета из «Эстетических фрагментов III» (1922) и пришёл к выводу, что «эта формула есть не что иное, как созидательная игра с математическими символами, лишённая любой объяснительной ценности. Сам Шпет назвал результаты своего воображения пародийными. Но какова цель Шпетовской пародии?» Отвечая на этот вопрос, докладчик сравнил «Эстетические фрагменты III» и написанные в это же время «Проблемы современной эстетики», которые традиционны и академичны. Между ними стилистический диссонанс: как будто бы автор хотел создать два своих контрастных образа. Другими словами, продолжал докладчик, «алгоритм эстетического восприятия является пародией, посредством которой Шпет порождает двойную интерпретацию себя. Звуковой образ – смех – можно квалифицировать, следуя С. Беккету, как “risus purus” (чистый смех)». Такова была шпетовская реакция на сомнительную ситуацию, в которой обнаружила себя тогда русская интеллигенция. Из-за неуверенности в будущем её настроения колебались между надеждой и страхом.

Мария Кандида Гидини (Пармский Университет, Италия), участница Шпетовских чтений в Томске, из-за забастовки на конференцию приехать не смогла. В тезисах к своему докладу она характеризует три сборника философского отдела ГАХН как вариации на тему «внутренней формы». Теоретическая рамка, пишет она, задаётся идеями Г. Шпета. Это – отсутствие психологизма при исследовании предметного основания эстетики и любого семиотического акта; «отрешённый», по терминологии Г. Шпета, статус эсте-

тического бытия; различие между выражением и экспрессией. В докладе она собиралась раскрыть развитие в этих сборниках темы «субъективности и степени участия субъекта в процессе установления смысла».

Наталья Полева (ИП РАО) рассмотрела влияние трудов Г. Шпета на исследование проблем художественной формы в ГАХН. Идеи её доклада дополняют анализ, проведённый М. К. Гидини. В своём обзоре конференции Т. Марцинковская замечает, что, по мнению Н. Полевой, связь философии культуры и психологии искусства дает возможность исследовать процесс становления культурного самосознания человека.

Владимир Новиков (МГУ) начал доклад строфой из «Гимна формалистов», который был сочинён учениками Ю.Н. Тынянова по Институту истории искусств: «Текут и годы и вода, // А мы стоим, тверды, как стенка, // Ведь лучше Шпет, чем никогда, // И никогда, чем Назаренко». В Институте даже висел плакат: «Лучше Шпет, чем никогда». Было неприятие ленинградскими филологами-формалистами эстетических трудов московского философа. Несмотря на разногласие и разномыслие, Г. Шпет и Ю.Н. Тынянов друг другу ближе, чем победившие их в 30-е годы марксисты-начётчики, среди которых и вульгарный социолог той поры Я. Назаренко. Философско-эстетические суждения Г. Шпета о том, что «личность автора выступает как аналогон слова», «личность есть слово и требует своего понимания» и литературное творчество Ю.Н. Тынянова созвучны. Скорее, Ю.Н. Тынянов противоречил себе как писателю, когда поддерживал антифилософский пафос опоязовцев, считая неприемлемой философскую рефлексию над литературным текстом. Соединение изучения типологии художественных приёмов и типологии авторских личностей – методологическая задача, важная для современного литературоведения.

Далее сошлюсь на слова Вл. Новикова из его отклика о конференции: Марина Густавовна Шторх указывала на польские корни фамилии Шпет (от шпетить – насмехаться, «корить обиняками»); на его собственную, особую, орфографию (он принципиально при написании слов не употреблял сдвоенных согласных), фамилия его первоначально писалась «Шпетт». Ему свойственны ирония, даже сарказм; стиль Г.Г. Шпета – «до сих пор “шпетит” читателей, будоражит сознание». В каламбуре же 20-х годов его фамилия связывалась с немецким словом «Spät», то есть «поздно»; отсюда: «Лучше Шпет, чем никогда».

Владимир Аристов (Компьютерный центр им. Дородницына РАН, Москва) остановился на значении внутренней формы для современной поэтики и поэзии (поэтов-метареалистов). Он обратил внимание на слова Г. Шпета: «Поэзия как “синтез” музыки и смысла есть синтез паутины и мёда». Докладчик говорил о переводе с неизвестного всеобщего внутреннего языка и стихотворном переводе, о соотношении «внутренней формы» и *Idem-forma*, о поэтике «на основе *Idem-forma*: когда отдельное не теряется и не “синтезируется” с другим, но обретает новые черты, которые реализуются во “всеобщем изобразительном пространстве”».

Галин Тиханов (Университет г. Манчестера, Великобритания) выступил с докладом «Густав Шпет и теория театра в 20-е годы».

Гун-Брит Кохлер (Университет Ольденбург, Германия) рассмотрела значение феноменологии для исследования музыкального творчества. В докладе «Феноменология музыки у Густава Шпета» показано, что в «Эстетиче-

ских фрагментах» Г. Шпет отходит от чисто научного описания мира, давая преимущество эстетическому обоснованию мира. Она обратила внимание на полемику между символистами, футуристами, формалистами, на размышления А.Ф. Лосева о музыкальных явлениях, сопоставив его «Феноменологию музыки» с философией Э. Гуссерля.

Надежда Щёткина-Роше (Университет Бордо III) в своём докладе анализировала ряд перспектив и апорий шпетовских концепций музыкальной формы в контексте сопоставления западной и восточной музыкальной эстетики. Она обратила внимание на негативное отношение Г. Шпета к неевропейской «продукции», попыталась найти истоки такого отношения в его европоцентризме или в некоторых его «системных концепциях, мало приспособенных к осмыслению феномена гибридизации».

Ольга Новикова («Новый мир», Москва) в докладе «Г. Шпет как литератор. Взаимодействие слова и мысли в “Эстетических фрагментах”» анализировала художественные приёмы, тропы, языковые особенности выражения мысли, присущие Г. Шпету как писателю. Действительно, Г.Г. Шпет не только прозаик в своём философском творчестве, он переводчик художественных произведений, комментатор; литературный дар обнаруживается в его эпистолярном наследстве, в рассказах и сказках, которые он сочинял для своих детей. Т.Г. Щедрина заметила, что Г.Г. Шпет писал стихи, но он (как и его родственники), считая основным делом философию, находил невозможным и/или ненужным публиковать их. Может быть, придёт время и для издания литературных опытов Г. Шпета.

Г. Шпет. Круг философских и историко-культурных влияний. Эта тема была рассмотрена на одном из последних заседаний.

Ольга Геннадьевна Мазаева (Томский государственный университет, Россия) рассмотрела ряд философских проектов первой трети XX века: неокантианско-феноменологический (Б.В. Яковенко) и различимые между собой феноменолого-герменевтические (Г.Г. Шпета, А. Белого и Ф.А. Степуна). Текст доклада будет полностью опубликован в следующем номере журнала.

Ирина Иванова (Университет Лозанна, Швейцария), анализируя учебную и научную деятельность Института Живого Слова в Петрограде в 1918–1923 гг., выясняла, как идеи, сформированные в этом Институте, получили своё развитие в исследованиях ГАХН.

Георгий Левинтон (Европейский Университет, Санкт-Петербург) остановился на историко-культурном сюжете участия Г.Г. Шпета в деятельности журнала «Гермес», охарактеризовал взаимоотношения молодёжи Московского лингвистического кружка (МЛК) и профессиональных философов. Машинописный журнал (в 12 экз.) выпускала группа молодёжи, в основном участники МЛК, ученики Г. Шпета по Московскому университету. Для статейной части журнала Г.Г. Шпет подготовил работу о Гумбольдте; статья в «Гермесе» так и не появилась; с докладом по статье Г. Шпет выступил в ноябре 1923 года, с неё и началась работа над «Внутренней формой слова». В «Гермесе» (№ 3 за 1922 год) Г. Шпет выступил с двумя стихотворными переводами с греческого языка: Алкея и двустишия Платона.

На **заключительном заседании** особое внимание вновь было уделено методологической проблематике.

Николай Завьялов (Университет Бордо II) рассмотрел понятие внутренней формы слова как культурной парадигмы в её значении для развития психологии и когнитивных наук. Он полагает, что некоторые идеи Г. Шпета предвосхитили современные научные разработки по вопросам взаимосвязи субъекта и социологии.

Марина Гусельцева (ИП РАО) развивала тему о значении методологических идей Г. Шпета для психологии. Она считает, что «идея языка как архетипа и начала разных наук, создающего особые модификации форм культурного познания, сближает Г. Шпета с постмодернизмом».

Татьяну Давыдовну Марцинковскую (ИП РАО) интересовала связь идей Г. Шпета с методологическими проблемами современной психологии. Концепция переживания Г. Шпета, с её точки зрения, значима для решения вопроса о механизме формирования социального и этнического самосознания; учение «о культуре как образующей личности открывает пути для исследования процесса социализации, особенно в эпоху нестабильности».

Завершая краткий обзор докладов конференции, хотелось бы сказать, что её участники видят необходимость продолжать исследование творческого наследия Г.Г. Шпета и обсуждение многих проблем, которые были им инициированы. Ближайшим событием в этом направлении должны стать Пятые Шпетовские чтения в Томске, провести которые мы планируем в ноябре 2008 года.

Культурная программа нашей жизни в Бордо

Приём в мэрии Градиньяна состоялся вечером 22 ноября (Gradignan – это пригород Бордо, но самостоятельная административная единица). Бордо III территориально находится по дороге в Градиньян, многие преподаватели этого университета живут там. Георгий Левинтон, Василий Ванчугов и я добирались туда на машине Нади Щёткиной-Роше. Надя – преподаватель, кандидат наук (филология) Университета им. Мишеля де Монтеня, участник конференции. По пути в мэрию она показала нам замечательное место: остатки старинной крепости Койяк. Через Бордо проходил путь в Испанию. Путники ещё в XIII–XIV веках останавливались в крепости, там была церковь, приют на ночлег. Рядом – старая мельница, где сейчас стилизованный под неё ресторан, огромный старинный парк (некоторые древние платаны не могут обхватить даже четыре человека). При въезде в крепость – скульптура усталого паломника с посохом, на острие которого привязана или наколота ракушка (раковина – эмблема принадлежности к ордену св. Иакова). «Песнь о Роланде», как сказала нам Надя, – это своеобразный путеводитель для направлявшихся в Сантьяго де Компостелла (это в Галисии, северо-запад Испании) – место паломничества христиан к могиле св. Иакова (Сен Жака Компостелла). Яков Старший – один из апостолов Иисуса Христа, брат св. Иоанна Богослова, обезглавленного в 43 или 44 г. в Иерусалиме Агриппой I. К сожалению, музейную экспозицию крепости не посмотрели, был поздний час. Участников конференции тепло приветствовали представители мэрии, на фуршете шёл оживлённый разговор и обмен мнениями о докладах первых двух дней конференции.

Жанна Горбылёва, наша бывшая студентка и аспирантка, ныне докторант, приехала из Страсбурга в Бордо послушать доклады, пообщаться и была для нас, «безъязыких» то «Вергилием», то «Ариадной». В день приезда мы гуляли по городу. Дома из каменных плит, жёлтовато-белый и жёлтовато-серый колорит. Узкие улочки. Зашли в грандиозный собор св. Николая, немного посидели там. Нашли интересный по интерьеру ресторан «Утопия», который, как и все рестораны, открывался только с 19-00; официант сразу принёс нам бутылку простой воды, так как сидеть за столиком и ничего не пить там не принято. Неожиданно в проходе зала стала появляться очередь, которая достаточно быстро исчезла. Видимо, в «Утопии» иначе быть просто не могло. Оказалось, что ресторан находится в фойе кинотеатра.

Жанна хорошо объяснила, как добраться на трамвае до университета, утром мне удалось самостоятельно приехать в университет. Трамваи Бордо – удивительно хороши и удобны, на остановках автоматическая продажа проездных талонов, постоянное электронное оповещение о времени прихода очередного трамвая, в вагонах (которых пять или шесть) остановки объявляются и высвечиваются на табло. Абсолютно бесшумный и экологически чистый вид транспорта, без обременительных проводов над рельсами, между рельсами идёт металлическая полоса, через которую, как мне объяснили, трамваи получают энергию.

На другой день, после заседаний, вечером, вместе с москвичами мы посетили ещё более интересный «во французском стиле» ресторан с экзотическим французским меню.

23 ноября Жанна вытянула меня с одного из заседаний на автобусную экскурсию по городу, через наушники давались краткие пояснения на русском языке. Бордо протянулся на 12 километров вдоль реки Гаронны и находится приблизительно в 60 километрах от Атлантического океана (так называют французы то, что испанцы считают Бискайским заливом). Река, которую было видно перед посадкой самолёта в Бордо, с высоты выглядела удивительно жёлтой и очень широкой. Водитель автобуса пояснил, что вода эта очень чистая, но при впадении в океан приливная волна не даёт водам реки туда спокойно войти, песок со дна взбаламучивается, поэтому воды Гаронны выглядят жёлтыми. Ещё одна подробность: жители Бордо считают, что река Дордонь впадает в Гаронну, хотя на деле наоборот, большая река Гаронна впадает в небольшую реку, а может быть, они сливаются (?), образуя широкое устье (от 3 до 7 километров). Это устье именуется Жирондой, отсюда название юго-западной провинции Франции с центром в Бордо, куда вошло и древнее графство Аквитания.

Многие жирондисты времён Великой Французской революции – выходцы из этих мест. Памятник «Жиронда» – недалеко от драмтеатра, это – колонна, на которой женщина, символизирующая свободу, разрывает цепи.

Чудесна панорама старинного невысокого каменного города с готическими и как будто кружевными куполами, шпилями и колокольнями. Замечательны набережная (достаточно большие прямоугольники искусственных луж двухсантиметровой или чуть большей глубины каким-то образом проточной воды, дополняющих гладь реки своими своеобразными зеркалами),

мосты через Гаронну (кажется шесть), – планируется сделать их разводными, тогда большие корабли смогут идти по реке.

Эти и другие пояснения водителя экскурсионного автобуса Жанна переводила без затруднений, попутно обмениваясь многочисленными репликами с водителем, и произвела на него столь сильное впечатление, что он предложил ей стать президентом Франции.

В этот же вечер, в 20-30 для участников конференции был организован ужин в ресторане роскошного драмтеатра, где было продолжено неофициальное общение. Мне же предстояло на следующий день в 9-00 выступить с докладом, поэтому с сожалением поспешила в гостиницу задолго до окончания интересных разговоров, которые, как говорят, затянулись далеко за полночь.

Памятна и прощальная послеобеденная экскурсия 24 ноября в замок Сент-Эмилион, один из центров производства знаменитого вина «Бордо». Необыкновенно красивое и загадочное каменно-виноградное место. Хозяин одного из домов рассказал нам о компьютерном наблюдении за каждой виноградной лозой, о технологии приготовления, хранения и особенностях «пития» этого вина. Были в большом помещении, где оно готовилось в дубовых бочках. Спускались по отвесной лестнице в пещеру-хранилище, где штабелями и небольшими кучками лежали бутылки вина разного сорта и разной давности, были, кажется, даже XVIII века. Хозяин дома говорил, что такое вино (бутылку) недавно у него хотел купить богатый американец за 50000 то ли долларов, то ли евро (сейчас забыла), но «я не продал!», – гордо сказал он. Погреб был причудливой конфигурации, и неожиданно, преодолев небольшой подъём, мы оказались в зале дома, около которого начиналась экскурсия: желающие дегустировали «Бордо», покупали бутылки вина по 10,5 евро.

Нам не удалось побывать в самом, по-видимому, главном там месте – «Замке в скале», время было позднее. Но удалось восхититься узкими мощёными улочками, затейливыми интерьерами двориков магазинов и ресторанов, взмывающими вверх огромными соборами. У одного из таких соборов головокружительной высоты за невысоким барьером (на небольшой площади напротив туристического бюро) открылся вдруг необычный вид круглой каменной площади, где-то там, далеко внизу, узкие улочки и плотно стоящие старинные каменные дома.

Все эти дни, благодаря присутствию Жанны, я не испытывала никаких языковых затруднений. Более того, она была уверена, что скорее французы со мной начнут разговаривать по-русски, чем наоборот; основания для такой реплики у неё были. В последний вечер (Жанна уехала из Бордо после обеда) я зашла в ресторан рядом с гостиницей, и, о ужас, – меня не понимали! Спас меня из этой, казалось бы, безвыходной ситуации москвич, доктор психологических наук Владимир Петрович Зинченко. Он показал официантам в меню, что мне подать на ужин, более того, сообщил, что раньше обычного, перед отлётом (он договорился) – я могу позавтракать в гостинице (Владимир Петрович, спасибо Вам!). Утром Жаклин, помогавшая Мариз Денн, на своей машине увезла нас в аэропорт.

На обратном пути, не в Бордо, а уже в Парижском аэропорту у меня конфисковали весь сыр, который по моей просьбе, со знанием дела и особой

заботой, для подарка москвичам и томичам покупала Жанна; оказывается, его надо было сдать в багаж. Ну, что ж, «вороне где-то Бог послал кусочки сыра...».

Искусство сыска в аэропорту поразительное. Особое удовольствие осматривающей девушке доставила ложка для обуви (около 40 см длиной); вытащив её из сумки, девушка с каким-то победным гиком куда-то понеслась, через пару минут вернулась недовольная, швырнула ложку в сумку и выпустила меня из Франции. Так закончился мой первый деловой визит на одну из моих исторических родин.

В Университете имени Мишеля де Монтеня (Бордо III) к конференции был выпущен сборник аннотаций и тезисов участников конференции.

Известные мне **отклики и обзоры** о конференции

1. *Новиков В.* Лучше Шпет, чем никогда // Литературная газета. 2007. 5 дек.

2. *Люсый А.* Новая семиотическая перспектива // statya o konferenzii po Shpetu visit v «Russkom zhurnale»: http://www.russ.ru/culture/teksty/novaya_semioticheskaya_perspektiva

3. *Ванчугов В.В.* Разговор в Бордо о русских смыслах: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/3509>

4. *Шиян А.А.* Отчёт по проекту участия российских учёных в научных мероприятиях за рубежом. Фонд РГНФ.

5. *Штейнер П.* Отчёт о конференции от 17.01.2008: <http://seelangs.home.comcast.net/~seelangs/>

6. *Марцинковская Т.Д.* Густав Шпет и его наследие. У русских истоков структуриализма и семиотики // Вопросы психологии. 2008. № 1.

Публикации трудов Г.Г. Шпета и исследования о нём в 2000–2007 годах

1. *Густав* Густавович Шпет. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2000. 351 с.

2. *Зинченко В.П.* Мысль и Слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М.: Изд-во УРАО, 2000. 208 с.

3. *Шпет Г.Г.* История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Материалы: В 2 ч. / Под ред. В.С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 1168 с.

4. *Творческое* наследие Г.Г. Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания (междисциплинарный аспект): Г.Г. Шпет / Comprehensio. Четвертые Шпетовские чтения / Отв. ред. О.Г. Мазаева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 596 с.

5. *Щедрина Т.Г.* «Я пишу как эхо другого...»: Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 416 с.

6. *Густав* Шпет и современная философия гуманитарного знания. М.: Языки славянских культур, 2006. 464 с.

7. *Шпет Г.Г.* Философско-психологические труды / Отв. ред. Т.И. Артемьева, М.С. Гусельцева, В.А. Кольцова, Т.Д. Марцинковская. М.: Наука, 2005. 479 с. (Памятники психологической мысли).

8. *Шпет Г.Г.* Мысль и слово. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2005. 688 с. (Серия «Российские Пропилеи»).

9. *Густав Шпет*: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2005. 720 с. (Серия «Российские Пропилеи»).

10. *Шпет Г.Г.* Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2006. 624 с. (Серия «Российские Пропилеи»).

11. *Шпет Г.Г.* Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2007. 712 с. (Серия «Российские Пропилеи»).